

ОДИССЕЙ

2010
2011

Школа и образование
в Сопотской школе в Польше и России

Дети, мастера и традиции
в пригороде Нью-Йорка и в родном городе
художника

Анна — художница и ее интернационализм
«Сфинксы» — Ольга Бурилова

Сью Гарднер и Нью-Йорк

ИЛЮСТРАЦИИ

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛОВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИНКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь),
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.П. ГЛУШКОВА,
кандидат исторических наук С.Г. ЯКОВЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989– .

2010/2011 : Школа и образование в Средние века и Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2012. – 000 с. – 15ВК 978-5-02-037561-1.

Альманах посвящен теме образования и религиозного воспитания в Европе от поздней античности до XX в. Разнообразные формы обучения и системы образования рассматриваются как один из важнейших инструментов формирования религиозной идентичности в европейском обществе. Рассматривается роль античной традиции в возникновении средневековой школьной системы в католическом и православном мире; исследуются проблемы национального и религиозно-конфессионального образования в странах Европы и Америки в Новое время. В разделе “Историк и изображения” публикуются статьи по средневековой иконографии. Другие разделы выпуска посвящены социальной истории, религиозной культуре средневековья и теории исторического знания. Большая часть материалов посвящена проблемам истории России, ее прошлому и актуальному настоящему.

Для историков, историков культуры, специалистов в области гуманитарного знания и более широкого круга читателей...

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037561-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2012
- © Лучицкая С.И., составление, 2012
- © Коллектив авторов, 2012. Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” разработка, оформление), 1989 (год основания, 2012
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 20102

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

О.В. Ауров

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ШКОЛЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕСТГОТОВ (VI–VII вв.).....

М.В. Рыбина

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХРИСТИАН МУСУЛЬМАНСКОЙ КОРДОВЫ (IX ВЕК)

О.Е. Кошелева

ОБУЧЕНИЕ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

Л.А. Пименова

МАГИСТРАТЫ ПРОТИВ ИЕЗУИТОВ: СПОРЫ О НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ВО ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

И.М. Супоницкая

ДЖОН ДЫОУ И “НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК” СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ДВЕ УТОПИИ

Е.Ю. Рогачева

“НОВЫЕ ЛЮДИ ДЛЯ НОВОЙ ЭРЫ”: ВКЛАД ДЖОНА ДЫОУ В РЕАЛИЗАЦИЮ ИДЕАЛА “НОВОГО ЧЕЛОВЕКА”

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

А.Е. Махов

СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗА И ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОЛИФОНИИ

Д.И. АНТОНОВ, М.Р. МАЙЗУЛЬС

ДЕМОНЫ, МОНСТРЫ И ГРЕШНИКИ: НЕГАТИВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ.....

Ю.Ф. Игина

ИЗОБРАЖАЯ ВЕДЬМУ: ИКОНОГРАФИЯ ВЕДЬМ В АНГЛИЙСКОЙ ПАМФЛЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

В.Н. Малов

КРАХ ГЕРОИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА: “СОФОНИСБА” ПЬЕРА КОРНЕЛЛЯ.....

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Отто Герхард Эксле

“ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ” – ЕЩЕ НЕ ПОНЯТАЯ ИСТОРИЯ.....

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

О.В. Хаванова

ОБРАЩЕНИЕ В КАТОЛИЧЕСТВО КАК АРГУМЕНТ
В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Петер Динцельбахер

СУД ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И СУД ВСЕМИРНЫЙ.....

Жан-Клод Шмитт

СНЫ ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО.....

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Л.В. Вольфцун

МИХАИЛ ЭММАНУИЛОВИЧ ШАЙТАН ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГ-
СКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ 1920-Х ГОДОВ.....

ДЕЯТЕЛИ ИСТОРИИ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Л.Ф. Борусяк

“САМЫЕ ВЕЛИКИЕ...”

А.Г. Левинсон

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СТАЛИНЕ (ПО МАТЕ-
РИАЛАМ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА)

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

А.А. Панченко

КОММУНИСТЫ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И “НА-
РОДНАЯ РЕЛИГИЯ”

Д.М. Володихин

ЧТО ЛИКВИДИРОВАЛИ, КОГДА ОТМЕНИЛИ ОПРИЧНИНУ?

М.Ю. Зенченко

“...ХОТЯТ ТАТАРОВЕ ТАМГИ И ДЕСЯТИНЫ” (ПО ПОВОДУ СПОР-
НОСТИ БЕССПОРНЫХ МНЕНИЙ О “ТАТАРСКОМ НАСЛЕДИИ” НА
РУСИ)

ПУБЛИКАЦИИ

М.Ю. Неклюдова

**ИЗГНАННИК ИЗ XVII ВЕКА: ШАРЛЬ ДЕ СЕНТ-ЭВРЕМОН И ЕГО “БЕ-
СЕДА Г-НА МАРШАЛА Д’ОКЕНКУРА С ОТЦОМ КАНЕ”**

SUMMARIES

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

АЛЛА ЛЬВОВНА ЯСТРЕБИЦКАЯ (1932–2010)

CONTENTS

SCHOOL AND EDUCATION IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIME.

O.V. Aurov

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: THE
MAKING OF THE CHURCH SCHOOL SYSTEM IN THE VISIGOTHIC
KINGDOM (6TH-7TH C.)

M.V. Rybina

RELIGIOUS EDUCATION AND THE SHAPING OF CONFESSIONAL
AND CULTURAL IDENTITY OF THE CHRISTIANS IN 9TH CENTURY
MUSLIM CORDOBA.....

O.Ye. Kosheleva

TRAINING WITHIN THE MEDIEVAL RUSSIAN ORTHODOX
TRADITION.....

L.A. Pimenova

MAGISTRATES VS. JESUITS: DISPUTES CONCERNING NATIONAL
AND RELIGIOUS/CONFESSIONAL EDUCATION IN THE MID-18TH
CENTURY FRANCE

I.M. Suponitskaya

JOHN DEWEY AND SOVIET RUSSIA'S 'NEW MAN': TWO UTOPIAS

E.Yu. Rogatchyova

'NEW PEOPLE FOR A NEW ERA': JOHN DEWEY'S CONTRIBUTION TO
THE IMPLEMENTATION OF THE 'NEW MAN' IDEAL.....

THE HISTORIAN AND IMAGES

A.Ye. Makhov

THE STRUCTURE OF MEDIEVAL IMAGES AND THE INVENTION OF
POLYPHONY.....

D.I. Antonov, M.R. Maizuls

DEMONS, MONSTERS AND SINNERS: NEGATIVE CHARACTERS IN
THE SPACE OF THE OLD RUSSIAN ICONOGRAPHY

Yu.F. Igina

DEPICTING A WITCH: THE ICONOGRAPHY OF WITCHES IN EARLY
MODERN ENGLISH PAMPHLETS

HISTORY AND LITERATURE

V.N. Malov

THE COME-DOWN OF HEROIC INDIVIDUALISM: PIERRE COR-
NEILLE'S SOPHONISBE.....

THE THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

'HISTORY OF CONCEPTS', A HISTORY YET TO BE CONCEIVED

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CONVERTING TO CATHOLICISM AS AN ARGUMENT IN THE LATE
18TH CENTURY HABSBERG MONARCHY

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

Peter Dinzelbacher

THE FINAL JUDGMENT: PERSONAL AND GLOBAL

Jean-Claude Schmitt

GUIBERT OF NOGENT'S DREAMS

THE HISTORIAN AND HIS TIME

L.V. Volftsun

MIKHAIL EMMANUILOVICH SHAITAN. A CASE IN THE HISTORY OF
MEDIEVAL STUDIES IN ST. PETERSBURG IN THE 1920'S

HISTORICAL FIGURES AND MASS CONSCIOUSNESS

L.F. Borusyak

'THE GREATEST ONES'

A.G. Levinson

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION ON STALIN (BASED ON LEVADA-
CENTER SURVEYS)

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

A.A. Panchenko

COMMUNISTS AGAINST SUPERSTITIONS: THE SOVIET STATE AND
THE 'POPULAR RELIGION'

D.M. Volodikhin

WHAT WAS ELIMINATED AS THE OPRICHNINA WAS ABOLISHED?

M.Yu.l Zenchenko

'... THE TARTARS DEMAND THE TAMGA AND THE TITHE': ON THE
DISPUTABILITY OF INDISPUTABLE OPINIONS CONCERNING THE
'TATAR LEGACY' IN THE OLD RUS

PUBLICATIONS

M.S. Neklyudova

EXILED FROM THE SEVENTEENTH CENTURY: CHARLES DE SAINT-ÉVREMOND AND HIS CONVERSATION DU MARÉCHAL D'HOCQUINCOURT AVEC LE PÈRE CANAYE.....

SUMMARIES

IN MEMORIAM

Alla L'vovna Yastrebitskaya (1932–2010)

Ю.Ф. Игина

ИЗОБРАЖАЯ ВЕДЬМУ: ИКОНОГРАФИЯ ВЕДЬМ В АНГЛИЙСКОЙ ПАМФЛЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

“Охота на ведьм” настолько давний и популярный объект исторического исследования, что поиск проблем и источников, которых бы не коснулись мои предшественники, представляется порой делом невозможным. И тем не менее я рискну поднять вопрос, которому, как кажется, еще не было уделено серьезного внимания: как изображали ведьм в Англии и в чем состояло отличие английской иконографии ведовства от континентальной?

Речь идет об изображениях ведьм на иллюстрациях к так называемым памфлетам (*witchcraft pamphlets*)¹ – адресованным широкому кругу читателей небольшим сочинениям, обличающим ведовство. Появление в Англии памфлетной литературы о судах над ведьмами совпадает с проникновением туда феномена “охоты на ведьм”. Это связано в первую очередь с интересом к проблеме ведовства и ведьм со стороны власти, зафиксированным в ряде юридических документов – актов и биллей², принятых в Англии в период с 1542 по 1736 г. и определявших, какие действия считать ведовскими и, следовательно, противозаконными.

Превращение ведовства из осуждаемого Церковью народного суеверия в преследуемое государством уголовное преступление – общеевропейский процесс. В Англии власть также вписала ведовство в существующую правовую традицию и практику и инициировала его преследование, признав общественно опасным преступлением, требующим государственного вмешательства и регулирования³. В этом отношении ведьма эпохи “охоты на ведьм” – фигура новая. Превратившись на исходе Средневековья в объект правового дискурса и пристального внимания со стороны государства, из поля народной культуры она переместилась в поле культуры официальной. Это означало прежде всего изменение представления о природе ведовства, источником которого и главным вдохновителем отныне мыслился дьявол. Не без влияния официальной пропаганды в представлениях людей того времени прочно укоренилась идея о ведьме-преступнице. Наиболее убедительно она звучала на судебных процессах против ведьм. Особые следственные процедуры, приговоры судей, подробно трактовавших деяния тех, кого считали ведьмами, и сам ритуал казни наглядно демонстрировали обывателям новую установку:

ведовство – тяжкое преступление против общественного блага и спокойствия и потому должно быть наказано. Детализированный рассказ о событиях, ставших предметом наиболее впечатляющих судебных разбирательств, облекался в форму памфлетов, которые быстро расходились по всему королевству⁴. Вследствие отсутствия в Англии строго регламентированных правил судопроизводства многие сведения о судах над ведьмами дошли до нас исключительно в форме памфлетов. Уникальность и многообразие этих материалов делает их одним из наиболее значимых источников по истории английской “охоты на ведьм”, а их анализ дает возможность не только исследовать событийную сторону ведовских процессов, но и проникнуть в мир представлений их непосредственных участников и наблюдателей.

Появление и распространение памфлетов заложило в Англии основы традиции изображения ведьм. В расчете на привлечение внимания покупателя иллюстрации, как правило, помещались на титульном листе и выполняли не только эстетическую, но и вполне коммерческую функцию: использование в памфлетах гравюр, как считают исследователи, существенно расширило круг потенциальных потребителей такого рода литературы за счет вовлечения в их число безграмотного населения⁵. В текстах памфлетов ведьма рассматривалась в назидательном ключе правового поля и тем самым превращалась из фольклорного персонажа в преступницу. Сопровождение текстов иллюстрациями, т.е. обращение к визуальным образам, позволяло наглядно и доступно продемонстрировать опасную сущность ведьмы и ее деяний даже тем, кто не умел читать. Кроме того, в народной культуре, преимущественно устной по своему характеру, изображения обладали особенной силой убеждения. Абстрактная идея исходящего от дьявола зла на памфлетной гравюре обретала тело ведьмы, и эта “натурализация” ведовства посредством его изображения не могла не способствовать восприятию памфлетных образов и антиведовской пропаганды в целом. Более того, изображения несли на себе не только идеологическую и информационную нагрузку: как прием визуализация давала возможность сделать литературный персонаж узнаваемым, она создавала эффект правдивости, достигаемый за счет обращения к читателю как бы от лица очевидца. Этот визуальный язык памфлетных иллюстраций, специфическим образом интерпретирующий феномен ведовства, и стал объектом исследования в данной работе.

Как известно, изучение визуальной культуры Средневековья и раннего Нового времени началось в исторической науке сравнительно недавно. Первой к визуальным образам ведовства обратилась немецкая исследовательница Зигрид Шаде, посвятившая свою диссертацию творчеству Бальдунга Грина и его современников⁶. В результате проведенного иконографического анализа ею было установлено, что немецкая традиция изображения ведьм характеризуется особым интересом к эротике женского тела. Впоследствии исследователи еще не раз обращались к проблематике, связанной с изучением иконографии ведовства⁷, но объектом их интереса по-прежнему оставалось творчество континентальных художников и граверов. Английские же изображения, в частности интересующие меня печатные иллюстрации к популярным памфлетам, находятся пока на периферии исследований⁸. По всей видимости, сложившаяся в историографии ситуация частично объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, английский материал довольно скуден в количественном отношении. Сохранилось около 160 различных памфлетов, относящихся к периоду с 1566 по 1732 г., но иллюстрациями снабжены меньше трети из них. Во-вторых, этот материал не столь ярок и интересен по своему содержанию, да и исполнение английских печатных иллюстраций также проигрывает континентальному. Английские гравюры – очень простые, даже грубоватые, выполнены на сравнительно низком художественном и техническом уровне. Можно предположить, что их авторами были не художники (которых в Англии тогда почти не было), а мастера, вырезавшие заглавные буквы для текстов. Таким образом, на фоне практики изображения ведьм в континентальной Европе, в первую очередь в южногерманской и фламандской традиции, английское искусство памфлетной иллюстрации выглядит весьма скромным. Более того, можно утверждать, что в отдельный жанр изобразительного искусства оно так и не оформилось. Такое “отставание” связано прежде всего с тем, что “охота на ведьм” и, соответственно, интерес к их изображению в Англии дают о себе знать почти на столетие позже, чем на континенте.

В континентальной Европе тема ведьм и их ремесла стала популярной в изобразительном искусстве уже в 1480–1490 гг. и воплотилась в произведениях ряда знаменитых граверов и живописцев (Альбрехт Дюрер и его ученик Ганс Бальдунг Грин, Альбрехт Альтдорфер, Ганс Шофелейн, Николас Мануэль Немецкий, Мартин ле Франк, Мартин де Вос, Питер Брейгель Старший, Ганс

Бургмайер, Генрих Штейнер). Центрами формирования континентальной иконографии ведьм стали сначала Страсбург и Аугсбург, затем и другие германские города. В середине XVI в. практика изображения ведьм распространилась и в других западноевропейских культурных столицах⁹. В результате в произведениях континентальных мастеров относительно рано была закреплена иконографическая традиция, интенсивно развивавшаяся на протяжении XVI–XVII вв. В Англию же практика изображения ведьм проникла только во второй половине XVI в.: появление первой печатной иллюстрации к памфлету о суде над ведьмой датируется 1566 г.¹⁰ Этот памфлет посвящен судебному процессу в Челмсфорде, превратившемуся затем в центр английской “охоты на ведьм”. Последние памфлетные гравюры были созданы незадолго до отмены в Англии антиведовского законодательства в 1736 г.¹¹ Сохранившиеся от этого периода (1566–1736 гг.) гравюры с изображением ведьм (их около 40) и стали моими источниками.

Какие вопросы можно задать таким источникам?

Художниками и граверами была создана иконография ведьм, в визуальных кодах которой зашифрованы коды культурные. Поэтому меня интересовало прежде всего то, как в английской культуре изображалась ведьма и как ее изображения коррелировали с исторической реальностью породившего их времени, из каких типических мотивов и визуальных кодов складывалась английская иконография ведьм и какие идеи стояли за иллюстрациями к памфлетам. Не менее важным представляется также и вопрос о том, какова функция иллюстраций к памфлетам в целом: визуализировали ли они вполне конкретное содержание самого памфлета или же были в некотором роде независимыми носителями определенной суммы смыслов и идей? Словом, что в конечном итоге заставило культуру сконструировать именно такой визуальный образ ведьмы и как он, со своей стороны, характеризует эту культуру?

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВЕДОВСТВА КАК ТРАДИЦИОННО ЖЕНСКОГО ЗАНЯТИЯ

Первая и наиболее очевидная характеристика английской иконографии ведовства – это его изображение как занятия традиционно женского. В Англии мужчины составляли примерно 13% обвиняемых в ведовстве (к примеру, в графстве Эссекс в период с 1560 по 1602 г. за ведовство было привлечено 158 женщин и 24 муж-

чины)¹² и потому вполне закономерно, что главными персонажами популярных памфлетов в абсолютном большинстве выступают женщины¹³. Как и в текстах, на иллюстрациях мужчины редко предстают в качестве обвиняемых (мне удалось найти всего три таких изображения)¹⁴. Как правило, они – жертвы ведьм или обвинители. Автор одного из первых английских трактатов о ведовстве Реджинальд Скот (1584 г.) писал, что ведьмами считаются преимущественно женщины¹⁵. Другие представители английской ученой культуры также сходились на том, что ведовство, хотя и могло практиковаться кем угодно, характерно скорее для женского пола. Например, проповедник У. Перкинс давал ведьмам следующее определение: „...под этим общим понятием я охватил оба пола или вида людей: мужчин и женщин, никого не исключая”. При этом он подчеркивал, что „...женщины, будучи слабым полом, с большей готовностью увлекаются дьявольскими иллюзиями и проклятым искусством [ведовства], чем мужчины”¹⁶. Несколькими иначе выразил эту же мысль юрист Ричард Бернард: „...к ведовству склонны и мужчины и женщины, то есть оба пола; всех возрастов: молодые, зрелые и старые. Пока же еще среди ведьм больше женщин, чем мужчин: это очевидно”¹⁷. Другими словами, идея о преимущественно женском характере ведовства занимала и, пожалуй, до сих пор занимает прочное место в человеческом сознании.

Очевидно, что представление о ведьме-женщине имеет фольклорные корни. Колдовство и магия как элементы социального знания и опыта генетически восходят к традиционной культуре, устной по своему характеру, главной хранительницей которой в аграрном обществе была женщина¹⁸. Характерно, что вся сфера представлений о колдовстве и связанных с ним конфликтах раскрывается через бытовое пространство. Дом, хозяйство, приготовление пищи, рождение и воспитание детей, уход за больными и умирающими считались женскими занятиями. В этом круговороте повседневности женщины превращали “натуральные” вопросы в “культурные”: в кухне, в молочной, в прачечной и в детской, т.е. в тех сферах человеческого бытия, где соприкасаются “природа” и “культура”, происходил процесс наделения значением, “окультуривания” природного¹⁹.

Представление о женском характере ведовства обусловило изображение ведьм и в памфлетных нарративах, и на сопровождающих их гравюрах в типично женских ролях: жены, матери, повитухи, сиделки. Разумеется, ведьма как персонаж отрицатель-

Ил. 1. “Ведьма кормит imps, сидящих в сундуке”. Гравюра из памфлета: “The most strange and admirable discovery of three Witches of Warboys”, 1593
 Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University Library

ный наделяла и исполняемые ею роли соответствующим знаком. Так, на гравюре из памфлета 1593 г. она вполне по-матерински кормит с ложки странных зооморфных существ, сидящих в сундуке²⁰. (ил. 1) Их облик, выдающий близость к дьяволу, представляет ее “антиматерью”, вскармливающей демонических существ – “антидетей”.

В народе эти существа назывались imps, демонологи иногда употребляли по отношению к ним термины familiars или familiar spirits. Представление о том, что они есть у каждой ведьмы, было широко распространено²¹. Считалось, что imps могли появляться в разных образах: “...как в образе мужчины, женщины, мальчика, так и в образе собаки, кошки, жеребенка, птицы, зайца, крысы, жабы и т.д.”²². Изображение ведьм вместе с imps – своего рода “домашними духами” – распространенный иконографический мотив в английских памфлетных гравюрах²³. Порой граверы уделяли этим существам особое внимание, изображая их отдельно²⁴. (ил. 2)

Представление об imp(s), “домашних” или “личных духах” ведьм, является одним из наиболее интересных элементов английского “ведовского фольклора”. Вероятно, генетические корни этого представления уходят в европейскую дохристианскую

A Detection
of damnable driftes, practi-
zed by three *Witches* arraigned at
Chelmsforde in **Essex**, at the
laste **Assises** there holden, whiche
were executed in **Apill**.
1579.

Set forth to discover the Ambushmentes of
Sathan, whereby he would surprise vs
lulled in securitie, and hardened
with contempte of **Gods**
vengeance threatened
for our offences.

Imprinted at London for **Edward White**,
at the little North-dore of **Paules**.

Ил. 2. "Imp". Гравюра из памфлета: "A Detection of Damnable Driftes, Practized by Three Witches arraigned at Chelmsford", 1579

Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University Library

архаику и связаны с верой в природных духов – персонажей низшей мифологии, впоследствии “демонизированных” Церковью²⁵. Но не следует исключать и античного влияния, поскольку именно античные суеверия стали основным предметом критики в сочинениях раннесредневековых церковных авторов, из которых впоследствии черпали информацию авторы демонологических трактатов. Поэтому здесь можно провести параллель и с древнегреческим представлением о демоне, сопровождающем человека от рождения до смерти, подобием домового, оказывающего материальные услуги. Представления о духах, служащих ведьмам и колдунам, характерны, конечно, не только для Англии. Похожие идеи встречаются и в других регионах Западной Европы, и в других культурах²⁶.

Функции и роль *impr* в жизни ведьмы подробно описаны в текстах памфлетов, в данном случае дополняющих и раскрывающих ее визуальный образ. “Домашний дух” предстает в них как личный помощник ведьмы, оказывающий ей разного рода услуги, помогающий в повседневных делах и всегда готовый по ее просьбе причинить вред людям. Судя по памфлетам, вредоносные действия – основное занятие *impr* на службе у ведьмы. По всей видимости, это представление связано с тем, что материал для памфлетов давали судебные процессы (самые ранние памфлеты, до 1570-х годов, иногда даже копировали содержание судебных протоколов), где основным обвинением было нанесение вреда людям и их имуществу колдовским способом – *maleficium*. Таким образом *impr*s поневоле стали инструментом ведьм в их *maleficium*, хотя сведения о других услугах, которые они способны оказать, также встречаются в текстах: “Елизавета сначала хотела, чтобы сей кот (она называла его Сатана) сделал ее богатой и зажиточной... и он тотчас доставил на ее луг овец в количестве восемнадцати голов, черных и белых...”²⁷.

Представления о вредоносности *impr*s напрямую связано с идеей материализации зла в колдовской “порче”. По сообщениям памфлетов, “испорченных” людей и животных охватывала необъяснимая болезнь, которая приводила к тяжелым увечьям или смерти после непродолжительной агонии. Она признавалась самим заболевшим и/или окружающими “порчей”, наведенной ведьмой с помощью духов, что вполне ожидаемо: непонятные, необъяснимые и трудноизлечимые заболевания народ объяснял вмешательством магических, но вполне реальных и материальных существ, чьи действия могла направлять чужая недобрая воля. В эпоху

Ил. 3. “Элизабет Флетчер и ее чертенята”. Рисунок, приписываемый преп. Майлсу Гейлу, викарию из Кейхли, из составленного Эдвардом Ферфаксом в 1621 г. описания околдовывания его детей шестью ведьмами в лесу Кнерсборо Британский музей, Лондон

“охоты на ведьм” это фольклорное представление было полностью интегрировано официальной демонологией, хотя в целом объяснение болезней вредоносным колдовством ведьм и злых духов является одной из наиболее распространенных этиологий во многих мировых культурах²⁸. О том, что здесь мы имеем дело с

Ил. 4. “Ведьма в окружении imps”. Гравюра из трактата: Gifford G.A. “Dialogue concerning witches and witchcrafts”, 1584
Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University

характерным клише так называемого ведовского фольклора, отчасти восходящего к народным верованиям, отчасти – к демонологическим трактатам и судебным протоколам, свидетельствует и то обстоятельство, что описания нападений “домашних духов” и их последствий для людей хотя и различны по степени детали-

зации, но весьма однообразны по содержанию. Для ранних памфлетов характерны лаконичные сообщения, в которых внимание уделяется не столько самому происшествию и его последствиям, сколько фиксации факта *maleficium*²⁹. Со временем такие описания становятся все более подробными и драматичными³⁰.

Облик “домашних духов” ведьм, как видно из приведенных иллюстраций (ил. 3, 4), часто представлялся зооморфным. При этом в образе *imps* могли причудливо совмещаться черты разных животных, входивших, как правило, в дьявольский bestiary. Вот, к примеру, описание *imp* из памфлета 1566 г.: “...она ответила, что в такой-то день... она сбивала масло и тут к ней подошло нечто, похожее на собаку, но с физиономией обезьяны. У него был короткий хвост, а вокруг шеи – цепочка с серебряным свистком (так она думает); голову венчала пара рогов, а во рту он держал ключ от кладовки с молоком”³¹. Иногда в памфлетных нарративах *imps* напрямую отождествлялись с дьяволом: “Эта допрашиваемая сказала, что приблизительно девятнадцать лет назад дьявол появился перед ней в образе мыши. Далее она сказала, что она пожелала быть отмщенной, и дьявол сказал ей, что она будет отмщена. Она назвала дьявола своим личным духом”³².

Для христианской иконографии рассматриваемого периода уже было свойственно вочеловечивать дьявола³³, а потому отождествляемые с ним “домашние духи” иногда представлялись в текстах памфлетов и в человеческом облике: “...ее дух приходил к ней прошлой ночью (как она считает) в образе женщины, бормотавшей что-то, что она не смогла понять”³⁴. Ричард Бернард считал человеческие и животные черты *imps* равновероятными³⁵. Однако в иллюстрациях к памфлетам “домашние духи”, как кажется, нигде не запечатлены в человеческом облике.

Как существа демонические *imps* обладали необычными качествами и способностями. Так, они могли внезапно появляться и исчезать: “...на пороге двери появился другой дух размером с первого, но моментально исчез”³⁶. Они обладали большой физической силой: “И далее этот осведомитель сказал, что, вернувшись этой ночью к себе во двор, он разглядел нечто черное, по форме напоминающее кота, только оно было в три раза больше; оно сидело на клубничной грядке, уставившись на осведомителя. И когда он начал двигаться в его сторону, оно перепрыгнуло через забор в сторону этого осведомителя, как он подумал, однако оно перебежало через двор, и собака погналась за ним к главным воротам, которые были связаны парой цепей от телеги, а оно

с какой-то силой растворило настезь ворота и исчезло”³⁷. Imps вселяли страх в домашних животных: “...когда он скакал на лошади, мимо него промелькнул силуэт красной собаки, от чего у него кровь застыла в жилах: она промелькнула на близком от него расстоянии, повернув к нему морду, и ее глаза не были похожи на глаза живого существа. Лошадь тотчас же понесла его и не перестала бросаться со стороны в сторону и лягаться, пока не выкинула его из седла, не причинив, правда, большого вреда”³⁵. Кроме того, они были неуязвимы. По свидетельству одного осведомителя: “...очень благородный человек из Мэннинтри, который, как он знает, не соврет, утверждал перед ним, что очень рано утром он проходил мимо двери вышеупомянутой Анны Вест, около четырех часов, и была лунная ночь, и, видя, что ее дверь открыта так рано утром, заглянул в дом. И некоторое время спустя туда зашли три или четыре существа в облике черных кроликов, скача и прыгая вокруг него. И он, имея добрую палку в своей руке, ударил их, думая убить, но не смог. Однако, наконец, он поймал одного из них руками и, держа за тело, бил головой об палку, намереваясь вышибить ему мозги. И когда он не смог убить его таким образом, то взял тело в одну руку, а голову в другую и попытался скрутить ему голову. И когда он скрутил и растянул ему шею, тот вылез между пальцев, похожий на комок шерсти. И он, не бросив добиваться своей цели и зная, что рассвет не за горами, пошел топить его. Но только шагнув, он упал и не смог идти. И падал еще и еще, так что, наконец, дополз на руках и коленях до воды, и, держа его крепко в руке, он опустил свою руку в воду по локоть и держал ее под водой достаточное время, пока не почувствовал, что тот утонул. И тогда он разжал руку, а тот выпрыгнул из воды на воздух и исчез”³⁹. Также духи могли мгновенно менять облик. Более того, они обладали разумом и были наделены даром речи. Одна из обвиняемых признавалась, что “...вышеупомянутые духи часто разговаривали с этой подозреваемой и что они делали это глухим голосом, который она хорошо понимала”; и далее: “дух очень внятно с ней разговаривал и приказывал ей отречься от Христа”⁴⁰. Разумность духов отражена и в их способности проявлять свою волю⁴¹. Подобно демонам из христианской демонологии, imps могли носить личные имена⁴², а за оказываемые услуги ведьмы расплачивались с ними своей кровью.

Именно в сюжетах, связанных с представлениями об imps, мы находим подробное развитие идеи о ведовстве как женском занятии. В памфлетных текстах “домашние духи” ведьм выступают

в нескольких качествах. Во-первых, в роли помощника в любых делах ведьмы (будь то повседневные заботы или конфликты с соседями): “И она сказала [Анна Вест. – Ю.И.] этой допрашиваемой [Елизавета Кларк. – Ю.И.], что есть много способов и возможностей, чтобы жить лучше, чем она сейчас живет. И сказала, что пошлет Елизавете нечто вроде маленького котенка, чтобы принести ей домой некоторые съестные припасы. И что это не причинит ей никакого вреда... потом в течение двух или трех ночей приходило некое белое существо, а ночью позже – серое существо, которое разговаривало с ней и сказала, что не причинит ей никакого вреда, а будет помогать ей вместо мужа, поддерживать ее. И что эти два существа приходили к ней в постель каждую ночь или через ночь, и присасывались к нижним частям ее тела”⁴³. Во-вторых, *impr* мог быть и демоническим любовником ведьмы⁴⁴, о чем еще пойдет речь ниже. Наконец, дух выступает в текстах памфлетов и как ребенок ведьмы. Так, в одном из памфлетов ведьма восклицает: “Что, вы думаете, я боюсь своих детей?”⁴⁵. Часто эти качества совмещаются в одном персонаже, что, вероятно, обусловлено полифоничностью фигуры дьявола, с которой *impr*s ассоциировались. Роли “домашних духов”, а также содержание их отношений с ведьмами раскрываются через акт сосания крови у ведьмы – общее место во всех памфлетных нарративах. На этом моменте я считаю нужным остановиться подробнее.

Воображаемый акт насыщения духов кровью через специальные места на теле ведьмы, так называемые ведьмины метки, носит символический характер. Это подчеркивается способностью *impr*s довольствоваться и вполне обычной пищей, о чем часто сообщают памфлеты: “Тогда она подняла их с земли и понесла в подоле домой, где положила их в коробку и кормила хлебом и молоком”⁴⁶. С одной стороны, кровь здесь следует рассматривать как награду, которую *impr*s получают за выполненное поручение или оказанную услугу, как своеобразную плату за службу. С другой стороны, в качестве устойчивого культурного символа кровь указывает на наличие договорной основы в отношениях между ведьмой и ее “домашним духом”. В этом смысле кормление *impr*s кровью подобно акту скрепления кровью договора между ведьмой и дьяволом⁴⁷. Очевидно, что воображаемые отношения между ведьмой и ее “домашними духами” были осмыслены в памфлетных текстах по образцу вассальных. Через “домашнего духа” как представителя демонического мира ведьма связана вассальной верностью с самим дьяволом.

В текстах памфлетов “домашние духи” иногда предстают как дети, рожденные от дьявола. Вот рассказ одной из обвиняемых: “...появились несколько их домашних духов, каждый в своем образе; шесть из них в образе котят шести недель от роду возникли на коленях у матушки Бенефилд, после чего она поцеловала их. Она сказала Ребекке, что все они были ее детьми от такого красивого мужчины, что других таких нет в Англии”⁴⁸. Представление *imps* в роли детей, а “ведьминой метки” – в качестве соска для их кормления позволяет говорить о теле ведьмы как о материнском теле, а о ней самой как о матери. Однако то, что метка является абсолютно неестественным соском, дающим вместо молока кровь, а в роли детей выступают зооморфные существа, делает ведьму inferнальной матерью с демоническими детьми. Именно так характеризует обвиняемых на суде 1645 г. в Челмсфорде их соседка, чье свидетельство рассматривалось судьями как своего рода экспертное заключение: “Бриджит Рейнольдс говорит, что она вместе с некоторыми другими женщинами была назначена осмотреть Сару Хейтинг, жену Уильяма Хейтинга, Елизавету Харви, вдову, и Марианну Бакет, вдову, которые подозревались в ведовстве. И при этом вышеупомянутом осмотре она (будучи повивальной бабкой) нашла такие метки или выпуклости в форме ячменного зерна (*marks or bigges*) в интимных местах их тел, какие она никогда не видела у других женщин: у Сары Хейтинг было четыре соска или выпуклости в форме ячменного зерна (*teats or bigges*) в этих местах, почти дюйм в длину, и такая же выпуклость (*bigg*), как мизинец этого осведомителя. Вышеупомянутая Елизавета Харви имела три таких выпуклости (*bigges*) упомянутого размера. Вышеупомянутая Марианна Бакет не имела таких выпуклостей (*bigges*), но было найдено, что вышеупомянутые места у нее не похожи на такие места у порядочных женщин”⁴⁹. Противоестественные телесность и материнство ведьмы отражают представление о ее монструозной сущности. В памфлетных нарративах ведьма мыслится отличной от нормальных женщин и матерей, причем отличие это благодаря поиску “ведьминых меток”, принятому в качестве судебной процедуры, демонстрировалось на физиологическом уровне.

В описаниях сцен ночных визитов *imp*, когда “домашний дух” перенимал на себя роль любовника ведьмы, ритуал сосания крови можно рассматривать как субститут полового акта. В одном из памфлетов обвиняемая свидетельствовала, что “...существо, похожее на ежа, обычно навещало ее и приходило к ней долгое

время, около двенадцати лет, и что, если оно сосало ее, то это происходило в то время, когда она спала. И боль от его действий будила ее. И оно приходило к ней один или два раза в месяц...”⁵⁰. Еще одна пикантная сцена рисуется следующим образом: “...и на следующую ночь, когда эта допрашиваемая лежала в своей кровати, она почувствовала, как кто-то пришел к ней в кровать, пробрался между ее ног, в то время как она бодрствовала. И что она искала, чтобы увидеть, что это могло быть, но не смогла ничего найти”⁵¹. На сексуальный характер отношений ведьм с духами прежде всего указывают характерное место расположения “ведьминых меток”, ночной приход духа в постель и описание ощущений ведьмы. Кроме того, как мы знаем, метафоры еды и кормления часто использовались в литературе для описания сексуальных отношений⁵². Вероятно, в представлениях о сексуальном характере отношений ведьм и “домашних духов” нашла своеобразное преломление идея инкубата (от лат. *incubare* – “лежать на”) – идея о демоне-соблазнителе, принимающем мужской облик и вступающем в половую связь с ведьмой⁵³. По всей видимости, представление о сексуальном характере отношений ведьм и “домашних духов” возникло в результате отождествления последних с дьяволом. Ведь сюжеты, рассказывающие о сексуальных соитиях дьявола с ведьмами, имеют место в текстах английских памфлетов⁵⁴. Представление “домашнего духа” в роли любовника ведьмы могло возникнуть как вариация отношений между ней и дьяволом, с которым, как было сказано выше, *impro* иногда отождествлялись. Однако визуально оно воплощено, похоже, не было: в английских памфлетах иллюстраций такого характера мне не встречалось.

ВЕДЬМА – БЕЗОБРАЗНАЯ СТАРУХА С КЛЮКОЙ

В континентальной иконографии ведьмы раннего Нового времени можно выделить два устойчивых образа: молодой привлекательной женщины и безобразной старухи. (ил. 5, 6) Насколько можно судить, оба образа были в равной степени популярны. Важно отметить, что в обоих случаях ведьма изображалась художниками обнаженной – как символ греха, в первую очередь прелюбодеяния, которое традиционно приписывалось ведьмам. В английской иконографии, напротив, существует всего один образ ведьмы: английская ведьма всегда стара, уродлива и совершенно

Ил. 5. “Ведьма и дракон”. Гравюра. Hans Baldung Grien. “Witch and Dragon”, 1515

одета. (ил. 7). Можно утверждать, что и в этом случае авторы гравюр, скорее, следуют памфлетному нарративу. Иллюстрации отражают типичное описание ведьмы, удачно сформулированное Реджинальдом Скоттом, очевидцем событий знаменитого Сент-Осайтского процесса: “К [...] ведьмам относятся женщины, как правило, старые, хромые, туповатые, бледные, морщинистые, грязные, мрачные, заблуждающиеся в папистской либо вообще не знающие никакой религии... Они – тощие и обезображенные, на их лицах постоянно лежит печать меланхолии, повергающая в ужас всех окружающих. Они – слабоумные, ворчливые, безум-

Ил. 6. “Ведьма верхом на козле”. Гравюра. Albrecht Diirer. “Witch Riding Backwards on a Goat”, 1500

ные, дьявольские и не сильно отличаются от тех, кто считается одержимым духами”⁵⁵.

Как известно, жертвами обвинений в ведовстве становились женщины не только преклонного, но и самых разных возрастов, равно как и мужчины. Поэтому нельзя утверждать, что идея ведьмы-старухи отразила реальную ситуацию с жертвами “охоты на ведьм”. Скорее, вызывающий всеобщую ненависть и страх образ безобразной старухи – не что иное как стереотип, бытовавший в умах современников. “Старость, нищета и порочный склад ума – вот три принципиальные составляющие образа современ-

ной ведьмы” – писал один из памфлетистов⁵⁶. Реджинальд Скот расширил эту неприглядную характеристику: “Эта бедная старая ведьма в целом необразованна, неподготовлена и не обеспечена советом и дружбой, лишена справедливости и свободы выбора смягчать свою жизнь и общение, ее род и пол более слабый и непостоянный, чем мужской, и намного больше склонен к меланхолии... ее возраст обычно таков, что делает ее немощной, а немощность приводит к болезни, при которой рот ее говорит глупости...”⁵⁷. Старость, уродство и ущербность, которые при-

Ил. 7. “Ведьма с клюкой”. Гравюра из памфлета: G.B. “A Most wicked work of wretched witch”, 1592

Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University Library

писывались в памфлетных нарративах ведьмам, в доиндустриальном обществе метафорически отождествляются со злом. Источником распространяемого ведьмами зла мыслился, конечно же, дьявол. Старость и сопровождающие ее недуги семантически близки к смерти – следствию грехопадения первых людей, произошедшего по вине дьявола. Ведь “Бог создал человека для нетления и сделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его” (Прем. 2:23–24). Поэтому ведьмы, примкнувшие в качестве слуг к несущему в мир страдания, разложение и смерть дьяволу отчасти разделили в иконографии его участь: внешний облик ведьмы создавался памфлетистами и художниками в прямом соответствии с представлением о ее внутренней сущности.

Английская ведьма изображалась не просто старухой, а характерной старухой с клюкой⁵⁸. (ил. 8) В качестве визуального кода клюка отсылает нас сразу к нескольким мотивам. В первую очередь, к упомянутому мотиву старости и сопровождающим ее физическому упадку и ущербности как специфических чертах ведьмы. На гравюре к памфлету о Сент-Осайтском процессе осужденные на нем женщины из семьи Флауэр, которые в реальности, за исключением матери, были отнюдь не старыми, тем не менее, все изображены с клюкой, а мать – глава этого, в глазах памфлетиста дурного, семейства – вообще на костылях. (ил. 9) Вот как он описывает ее: “Матушка, Джоанна Флауэр, была чудовищно злобной женщиной, полной богохульств, проклятий и проклятого неверия, и по любому поводу они [соседи. – Ю.И.] замечали в ней явное безбожие. Кроме того, в последние дни само лицо ее было отчужденным, ее глаза были горящими и ввалившимися, ее речь была колкой и завистливой, ее поведение было странным и необычным, а в общении она была замкнутой. Так что весь остальной образ ее жизни вызывал большое подозрение в том, что она была пользующейся дурной славой ведьмой”⁵⁹.

Физическая ущербность и даже уродство ведьм на гравюрах – прямое отражение их преступной и дьявольской внутренней сущности, описанной памфлетистами: “Все ведьмы... главным образом, люди, имеющие дурную природу, нечестивый характер и затаившие зло против тех, кем они недовольны, жаждущие преследования, чтобы быть отмщенными”, – писал Ричард Бернارد⁶⁰. Порой авторы гравюр наделяли ведьм зооморфными чертами⁶¹.

The wonderfull discoverie of ELIZABETH SAWYER
a Witch, late of Edmonton, her
conviction and condemnation
and Death.

Together with the relation of the Duels
accessed to her, and their conference together.

Written by HENRY GOODCOLE Minister of the
Word of God, and her continuall Visitor in the
Gaole of Newgate.

Published by Authority.

London, Printed for W. Iohnson Barber, and are to be sold of his Shop in Saint
Dunston Church-yard, Fleetstreet: 1631.

Ил. 8. “Елизавета Соьер, “эдмонтонская ведьма”. Гравюра из памфлета: The Wonderfull Discoverie of Elizabeth Sawyer, a Witch, late of Edmonton”, 1622
Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University
Library

T. 104x

THE WONDERFVL DISCOVERIE OF THE

Witchcrafts of *Margaret* and *Phillip*

Flower, daughters of *Ioan Flower* neere *Beuer*

Castle: Executed at *Lincolne*, *March 11. 1618.*

Who were specially arraigned and condemned before *Sir*

Henry Hobart, and *Sir Edward Bromley*, Iudges of A. C.

sitc, for confessing themselues actors in the destruction

of *Henry Lord Rosse*, with their damnable practises against

others the Children of the Right Honourable

FRANCIS Earle of Rutland.

Together with the severall Examinations and Confessions of *Anne*
Baker, *Ioan Willmot*, and *Ellen Greene*, Witches in *Leicester-shire.*

Ил. 9. “Ведьмы из семейства Флауэр”. Гравюра из памфлета: “Wonderful discovery of witchcraft of Margaret and Phillip Flower”, 1619
Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University Library

Возможно, это реакция на сообщения памфлетистов об их способности превращаться в различных животных⁶², однако прямой связи между изображением и упоминанием о зооморфных трансформациях ведьм в памфлетах нет. По мнению А.Е. Махова, превращение ведьм в животных является вариацией на тему дьявольских метаморфоз, ведь известно, что в христианской культуре дьявол часто принимал облик какого-нибудь животного⁶³. Дьявольская сущность ведьм могла обыгрываться авторами памфлетов и через мотив исходящего от них смрада⁶⁴.

Изображение клюки также может трактоваться как мотив дороги. Ведьма, бродящая от дома к дому и донимающая соседей своими просьбами, – известный топос в памфлетах. Наделенная дьявольской, а значит нестабильной, неупорядоченной природой, ведьма, в отличие от своих добропорядочных соседей, всегда в движении. Клюка как визуальный код присутствия дьявола дает интеллектуальный импульс и другим интерпретациям. Ее можно рассматривать как коннотационный намек на хромоту ведьм. Последняя была известным атрибутом дьявола, приписываемым ему народной демонологией вследствие низвержения с небес. В памфлетах хромота, вызывающая ассоциации с дьяволом, могла рассматриваться как божественное наказание ведьме за ее службу дьяволу: "...когда матушка Осборн лежала хромой и жаловалась на свою больную ногу, она, вышеупомянутая Елизавета Френсис, пришла к ней и попросила разрешения посмотреть на ее ногу, которую та показала ей. Она, вышеупомянутая Елизавета, положила на ее голову руку, говоря, что она сама знает, что тоже самое постигнет и ее, ввиду отсутствия верного служения Господу"⁶⁵. Наконец, клюка может содержать указание на идею папства, правда тоже с обратным знаком, быть своего рода дьявольской противоположностью папского посоха Христа, которого иконографическая традиция издавна изображала добрым папством. В духе симметричных конструкций христианской символики единственным противником истинного папства Бога был, конечно же, дьявол, "антипапство", ведущий людей не к спасению, а к гибели. Ведьма с клюкой как его пособница в мире земном мыслится сопричастной его делам. Здесь, как мне кажется, может заключаться скрытое предостережение тем, кто обращается к ведьмам за содействием.

ВЕДЬМЫ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА
ВНЕ ЗАКОНА

Еще один важный код визуального образа ведьмы – идея коллективного характера ведовства. Иногда в памфлетах встречаются иллюстрации, изображающие группу ведьм вместе с их духами⁶⁶. Из текстов становится ясно, что *imps* были тем связующим звеном, которое объединяло ведьм в их общем деле служения злу и выделяло их как замкнутое сообщество из числа остальных людей. Наличие у ведьмы “домашнего духа” и тесную связь с ним можно рассматривать как своего рода корпоративный признак. Согласно памфлетам, *imps* могли быть общими для ведьм одной местности и пить кровь не только у “своей” ведьмы, но и у других знакомых с нею ведьм: “...и еще она [обвиняемая. – Ю.И.] сказала, что иногда духи старой ведьмы сосут кровь у Елизаветы, а иногда ее духи сосут кровь у ведьмы Вест”⁶⁷. Кормление духов как взаимная услуга, которой обмениваются ведьмы между собой, наводит на мысль о существовании тайного ведовского сообщества, объединенного вассальной клятвой дьяволу. Действительно, представление о таком сообществе достаточно ясно прослеживается уже в ранних памфлетах и по мере того, как тема ведовства углубляется в демонологических трактатах (что, несомненно, влияло и на эволюцию жанра памфлета), становится все более отчетливым. Так, в одном из памфлетов (1645 г.) встречается красочное описание самой настоящей “сходки” ведьм: “Когда она пришла в дом, где проходили встречи, там уже были еще пять ведьм. Двумя главными были матушка Бенефилд и матушка Гудвин. Эта матушка Гудвин вытащила книгу, и после этого они по своему обычаю вознесли молитвы. И тотчас появились несколько их домашних духов, каждый в своем образе... Тогда они приказали своим духам пойти и убить лошадь, принадлежащую одному человеку, корову, ребенка и так далее. Тогда матушка Бенефилд обратилась к матушке Вест и спросила ее, уверена ли она в том, что ее дочь сможет сохранить тайну, или в противном случае она может выдать их. Она ответила, что та пообещала. Тогда они все сказали, что если она когда-либо расскажет об этом, то испытает на земле такие пытки и страдания, каких не испытает и в аду. А сама матушка Бенефилд сказала, что для большей уверенности она должна принять договор и принести клятву, как они это когда-то уже сделали. Тогда они научили ее, что необходимо сказать, сутью чего являлось отречься от Бога и ее Спасителя Иисуса Христа, отвергнуть все обещания его благ и добродетели его,

что горше смерти и терзаний, и верить, как они верят, служить и подчиняться, как они это делают. И вышеупомянутая Ребекка призналась, что когда она это сделала, дьявол в образе маленькой черной собаки запрыгнул на ее колени и поцеловал ее три раза, и она почувствовала, что его губы были очень холодными⁷⁶⁸. В другом памфлете описана схожая ситуация: “Джоан Кариден призналась... что хозяйка Холт сказала ей, что в течение тех двух дней состоялась великая встреча в доме хозяйки Пантерис и что хозяйка Дадсон была там. И что хозяйка Гарднер должна была быть там, но не пришла. И дьявол восседал во главе стола”⁷⁶⁹.

За представлением о существовании тайного ведовского сообщества стоит идея *conjugatio* – социальной группы, основанной на договорных отношениях⁷⁷⁰. Как пишет О.Г. Эксле, в основе *conjugatio* лежит клятва, которая является промиссивной (*нем. promissorischer Eid* от *лат. promittere* – обещать, давать обет), т.е. клятвой-обетом или -обещанием, объединяющей поклявшихся на будущие времена и предопределяющей их совместную деятельность. Именно такая клятва связывает ведьм с дьяволом и друг с другом. Вассальная клятва, приносимая ведьмами дьяволу, выстраивает между ними отношения сюзерена с его вассалами. В обмен на колдовскую силу и помощь от дьявола, воплощенную в *imps*, ведьмы отдают ему свою душу и обязуются действовать в его интересах, творя зло в земном мире. Клятвой скрепляются и отношения иерархии внутри группы ведьм, среди которых всегда есть “главная ведьма” и вновь посвященные в искусство колдовства. Ведьмы также дают друг другу клятву (как в процитированном выше отрывке из памфлета) хранить тайну их преступного поклонения врагу христианского Бога и использования запретных практик. В результате сообщество ведьм во главе с дьяволом предстает как бы “антицерковью”, противостоящей Церкви официальной.

Идея *conjugatio* применительно к ведьмам во главе с дьяволом манифестирует себя в форме совместного празднества – шабаша, представление о котором являлось одной из основных составляющих континентальной доктрины ведовства, проникнувшей в Англию вместе с распространением там “охоты на ведьм”. На континенте образ шабаша и связанные с ним мотивы “полета ведьм верхом на козле” и “ведьм у магического котла” достаточно рано были воплощены в графике, в первую очередь немецкими художниками, например, на знаменитой гравюре “Ведьмы, готовящие мазь для полета на шабаш” (Ганс Бальдунг Грин, 1514). В англий-

Ил. 10. “Ведьма, готовящая зелье и ведьма, улетающая на шабаш⁶⁴”. Гравюра из памфлета: “A full Confutation of Witchcraft”, 1712
Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University Library

ской графике, как и в литературе, эти темы, напротив, популярными не стали. Первые изображения такого рода появляются в качестве иллюстраций к ученым трактатам в Англии только во второй половине XVII в.⁶⁵, а в качестве иллюстраций к памфлетам – еще позже, на закате “охоты на ведьм”. Так, изображение

“полета ведьмы на шабаш” мы находим в памфлете 1712 г.⁷². (ил. 10) В нем воплощены ставшие классическими коды европейской иконографии демонического – дьявол в образе обезьяны⁷³; ведьма, вылетающая на метле через трубу; ведьма – безобразная старуха с клюкой; горшок с зельем на огне. Кстати, в соседней Шотландии изображение ведьм, колдующих у магического котла⁷⁴, появляется довольно рано, в 1592 г., в памфлете, изданном по следам знаменитого Норт-Бервикского процесса. С большой долей вероятности можно говорить о том, что появлению этой темы в материалах процесса способствовал сам Яков I, проникшийся континентальными идеями в период своего пребывания в Датском королевстве.

В основе объединения ведьм в группу лежат принципы родства, общности рода занятий и даже взаимопомощи⁷⁵. Ведьмы в памфлетах практически всегда родственницы и/или сообщницы, которых связывает клятва дьяволу (иллюстративный пример – процесс “женщин из семьи Флауэр”⁷⁶). На практике привлечение к суду одного из членов семьи часто влекло за собой подозрение в причастности к ведовству и других ее членов, в первую очередь женщин⁷⁷. Здесь артикулировалось представление о том, что колдовские способности передаются внутри рода по женской линии. Это – известный топос в памфлетах, формулируемый примерно так: “Впервые она познакомилась с искусством ведовства в возрасте двенадцати лет благодаря своей бабушке ... ныне покойной”⁷⁸. Считалось, что передача колдовских способностей происходила в момент смерти ведьмы или сразу после нее: “Эта допрашиваемая сказала, что около трех или четырех лет тому назад некая Марджери Стокс, мать этой допрашиваемой, лежала на смертном одре, и эта допрашиваемая пришла навестить ее. Она, вышеупомянутая Марджери, упросила эту допрашиваемую лично дать угощение двум ее духам и добавила к тому же, что они будут делать этой допрашиваемой добро. И эта допрашиваемая сказала, что в ту же ночь вышеупомянутая мать умерла, и вышеупомянутые духи, соответственно, перешли к ней и сосали ее тело”⁷⁹. Пуританский проповедник У. Перкинс считал даже, что предположения о причастности к ведовству могут выноситься, “если подозреваемая сторона является сыном или дочерью, слугой или служанкой, близким другом, близким соседом или старым компаньоном известной и осужденной ведьмы. Ибо ведовство – это искусство, которому можно обучиться и которое может передаваться от человека к человеку, и часто случается, что ведь-

ма, умирая, оставляет кого-либо из вышеупомянутых людей наследниками своего ведовства”⁸⁰.

Истоки восприятия ведьм как монофункциональной группы лежат в представлениях о ремесленном характере ведовства. Ведь в народной традиции под колдовством понимался особый вид деятельности, своего рода технология⁸¹. В памфлетах ведовство часто называется “промыслом”, “ремеслом”, “искусством”, т.е. профессиональным занятием, в котором можно быть “обученным и искусным” и иметь “наставника”⁸². В одном из памфлетов ведьмы названы “...знатоками (professors) в области вышеупомянутой практики убивать и причинять беды...”⁸³. У Перкинс считал ведьмами тех, кто “избирает своим занятием (professe) и практикует ведовство”⁸⁴. Поэтому еще одним топосом в памфлетах было указание на многолетний опыт ведьм: до разоблачения и осуждения они практиковали колдовство долгие годы⁸⁵.

О ремесленном характере ведовства говорит и присущая ведьмам специализация⁸⁶, выраженная в многообразии терминов, которыми обозначались люди, практикующие колдовство. Среди них: witch (ведьма), sorcerer (колдун), magician (маг), conjurer (колдун, заклинатель, чародей), harridan (ведьма, карга), shrew (ведьма, мегера), scold (ведьма, сварливая женщина), healer (знахарь), cunning wise man (досл. “знающий мудрец”), cunning man или cunning women (“мудрый человек”, “мудрая женщина”), wizard (волшебник)⁸⁷. При этом распространенным было простонародное деление ведьм на “good witch” (“хорошая”) и “bad witch” (“дурная”): “Существует два сорта ведьм, которые простонародье различает названиями “добрая ведьма” и “дурная ведьма”. Вследствие этого, когда одна околдовывает некоего субъекта, другая расколдовывает его вновь”⁸⁸. Вариацией этого деления являются термины “binding witch” (“связывающая ведьма”) и “unbinding witch” (“развязывающая ведьма”), которые применялись к ведьмам, способным, соответственно, навести порчу на человека или же снять ее⁸⁹. Представление о разделении ведьм перекочевало и в судебную практику. Ричард Бернارد писал: “Все ведьмы на самом деле плохие и хороших нет, но мы различаем их таким образом в соответствии с простонародной речью...”⁹⁰.

За визуальной репрезентацией ведьм как социальной группы стоит идея отделения их от остального общества. Эта идея манифестируется прежде всего на физиологическом уровне в форме “ведьминых меток”, которые отличают ведьм от других людей и в первую очередь от обычных женщин. Колдовское ремесло также

лежит в основе групповой идентичности ведьм, ведь считалось, что оно передавалось внутри “корпорации” ведьм из поколения в поколение. Представление о древности ведовского ремесла позволяет говорить о ведовстве как о традиции, которая конституирует ведовское сообщество как “профессиональную” группу. Иерархия ведьм подчеркивает стабильность структуры этого сообщества, а клятвенная связь с дьяволом отражает его идейную основу. Таким образом, в зеркале памфлетов под влиянием государственной политики, направленной на признание ведовства уголовным преступлением, сообщество ведьм предстает ничем иным как “преступной группой”. Запродавшие душу дьяволу, живущие с “домашними духами” под одной крышей и избравшие путь служения злу, ведьмы мыслились опасными миру порядочных людей и благочестивых христиан. Текстуально эта мысль наиболее очевидно выражена в памфлетной максиме “недостойные жить в христианском сообществе”⁹¹, созвучной знаменитой библейской “Ворожей не оставляй в живых” (Исх. 22:18). Ведьма как орудие дьявола представляется той самой заслуживающей изгнания паршивой овцой⁹² и потому к ней, в первую очередь, относится христианский пафос “очищения как отчуждения” (выражение А.Е. Махова) – она подлежит уничтожению как чужая человеческому сообществу. Призыв к избавлению от ведьм проходит лейтмотивом через всю памфлетную литературу, начиная с самого раннего периода ее существования: “К деяньям злобным присмотришь, // Ты, дорогой друг, и молись, // Дабы забрал Бог поскорей // От нас сих ведьм со свитой всей”⁹³.

Как известно, верным способом избавления от ведьм считалась казнь, утвержденная приговором суда. Автор одного из памфлетов высказывается об этом так: “Если бы мы не забывали обо всех тех милостях и бесчисленных благах, которыми Господь осыпает нас каждый день нашей жизни, то наверняка простились со своими греховными привязанностями и дурными склонностями к омерзительным деяниям, противными как Богу, запретившему их в своих могущественных⁹⁴ заповедях, так и человеку, чей закон называет такие деяния ненавистными Господу, на чем слове стоят и которое заключают в себе все земные законы, применяемые для того, чтобы наказывать и уничтожать тех порочных и закоренелых нарушителей заповедей Всевышнего, которые по все законам человеческим заслуживают казни”⁹⁵.

Мысль об узаконенном истреблении ведьм, конечно же, нашла отражение в визуальной репрезентации ведовства. Среди

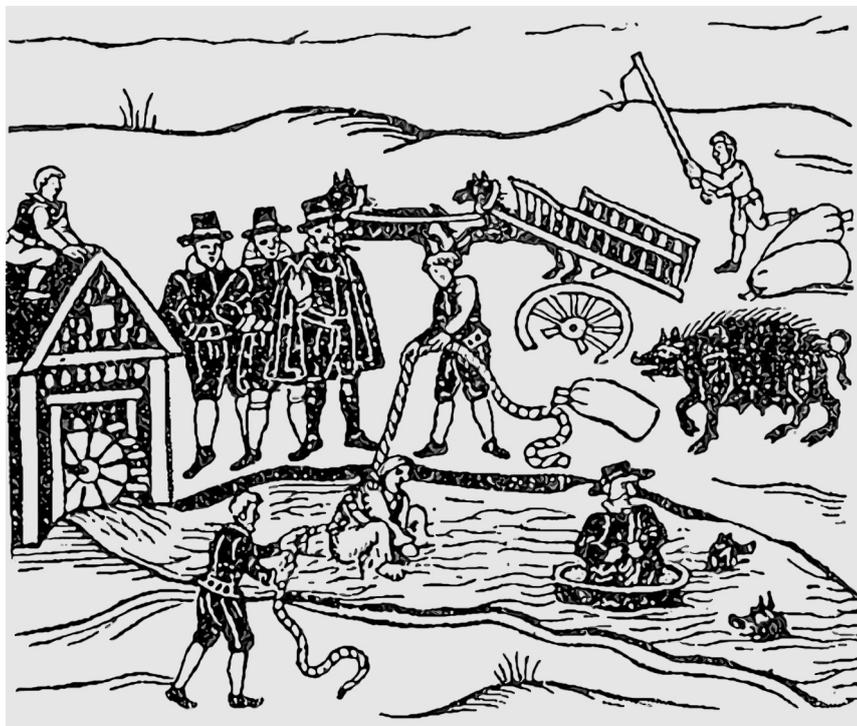
Ил. 11. “Три ведьмы, висящие на виселице”. Гравюра из памфлета: “The Apprehension and confession of three notorious witches”, 1589
 Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University Library

памфлетных гравюр мы находим изображение казни нескольких ведьм путем повешения⁹⁶ (ил. 11). Подчеркивая легитимный характер “охоты на ведьм”, граверы порой иллюстрировали и процесс суда⁹⁷. (ил. 12) Иногда изображалась и так называемая ордалия (“Божий суд”) в форме испытания водой, обычно практикуемая в качестве судебной процедуры⁹⁸. (ил. 13) В Англии применительно к преступлению ведовства пытки были запрещены и хотя нелегальное их использование зафиксировано в ряде

Ил. 12. “Ведьмы рассказывают на суде о своих imps Мэтью Хопкинсу”. Гравюра из памфлета: H.F. “A True and Exact Relation of the severall Informations, Examinations and Confessions of the late Witches, arraigned and executed in the County of Essex”, 1645

Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University Library

Ил. 13. “Плавание” Марии Сатгон”. Гравюра из памфлета: “Witches Apprehended, Examined and Executed, for notable villanies by them committed both by Land and Water”, 1613

Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University Library

источников, мы не встречаем их изображения на иллюстрациях к памфлетам, популярным иконографическим сюжетом они так и не стали. В этом заключается одно из принципиальных отличий английской традиции визуальной репрезентации “охоты на ведьм” от континентальной. Но следует оговориться, что некоторые казусы, например самосуды над теми, кого считали ведьмами и колдунами, все же нашли свое место в памфлетной графике. Например, изображение имевшей место в 1628 г. расправы толпы над доктором Лэмом, личным врачом фаворита Якова I герцога Бэкингема. (ил. 14). Считалось, что этот человек долгие годы тайно занимался черной магией. Он прослыл колдуном и в конце концов настроил против себя и горожан, и своего покровителя.

По всей видимости, появление памфлета⁹⁹ с рассказом об учиненном жителями Лондона в обход законной процедуры дознания самосуде было все же выражением официальной общественной позиции – молчаливого одобрения властей.

Все перечисленное говорит о том, что визуализация расправы над ведьмой носила идеологический характер, демонстрируя некий идеальный, “правильный” с точки зрения закона алгоритм действия властей – как местных, так и приезжих королевских судей, чиновников графства, дворян и других представителей местной элиты – по отношению к ведьмам как к преступницам: представляющие опасность для общества, они неизбежно будут осуждены судом и казнены. Но здесь следует отметить и другой важный момент. Еще раз подчеркну, что памфлеты выходили не только при поддержке властей, но и по их заказу. Например, мест-

Ил. 14. “Расправа толпы над доктором Лэмом”. Гравюра из памфлета: “A Briefe Description of the Notorious Life of John Lambe, otherwise called Doctor Lambe”, 1653

Courtesy of the Division of Rare and Manuscript Collections, Cornell University Library

ные судьи, рассматривающие дела о ведовстве, часто становились заказчиками памфлетов о проведенных ими процессах, были знакомы с авторами. А значит, для власти контроль над ведовством и его наказание с последующим оповещением об этом через памфлеты и сопровождающие их иллюстрации были эффективной формой саморепрезентации: так она демонстрировала заботу о подданных, утверждая тем самым свою необходимость. Для читателя же памфлетные образы должны были служить назиданием и предупреждением, подчеркивая главную мысль памфлетов: ведовство – тяжкое преступление против общественного блага и потому заслуженная смерть настигнет каждого, кто осмелится практиковать его.

* * *

К каким же выводам относительно визуальной образности ведовства в английской памфлетной литературе могут привести нас высказанные наблюдения? Пожалуй, нельзя не согласиться с тем, что изображения ведьм в памфлетах были ни чем иным как визуализацией идеи зла, именно поэтому иконографические коды ведовства подчинены сопоставлению ведьм с дьяволом. Однако зло в исполнении ведьм было вполне конкретным и потому понятным читателю. Образ острой на язык старухи с клюкой и недобрым взглядом – такую можно встретить в любой деревне, – несомненно, был знаком тем, кому адресовались памфлеты. В отличие от континентальной, английская ведьма характерна своей простотой. Сложные в содержательном и художественном отношении континентальные коды, например, “ведьма за магическим котлом”, “ведьма, летящая на шабаш”, “ведьма верхом на козле” и др., в ее образе практически отсутствуют или же разработаны непоследовательно.

Изображения ведьм служили и для визуализации идей, которые власть стремилась донести до подданных. Понятное всем на бытовом уровне ведовство представлялось в законе серьезным преступлением, за которое полагалась смертная казнь. Искоренение этого “тяжкого преступления против законов Господа и подданных Его величества”¹⁰⁰ объявлялось прерогативой королевских судов. И если в быту образ занимающихся колдовством иногда может быть амбивалентным, в зависимости от того в какую жанровую систему он включен¹⁰¹, в рассказы о вредительстве или об исцелении, то ведьма в памфлетах – это всегда сподвижница дьявола и преступница, действия которой однозначно

достойны осуждения. Она не несет людям ничего хорошего и добровольное обращение к ней за помощью также осуждается. Очевидно, что столь одномерная репрезентация ведьмы носит идеологический характер: она следует за содержанием законов против ведьм. В этом отношении памфлеты о судах над ведьмами были не столько народной литературой, сколько литературой для народа.

В визуальной репрезентации ведовства в памфлетах в целом заложен идеал социального порядка. Ведь демонстрируемая властями забота о подданных содержала в себе ожидание на ответную лояльность. Избавление от ведьм при посредстве властей должно было утверждать торжество закона над врагами общества и тем самым указывать путь к государству всеобщего благоденствия.

Если оценивать в целом связь между содержанием памфлета и иллюстрирующей его гравюрой, то визуальные образы – это, скорее, лишь слабая тень образов нарративных. Особенно это касается ранних памфлетов. Иллюстрация следует тексту, пожалуй, лишь в отношении самых простых и универсальных стереотипных представлений о ведьме, более близких фольклору, чем демонологии. Так, общими и для визуального, и для нарративного дискурсов характеристиками ведьмы являются представления о том, что она практически всегда женского пола, что она стара и уродлива, что у нее есть “домашний дух” и в своей вредоносной деятельности она не одинока. Обозначенная рядом визуальных кодов дьявольская природа ведьмы (клюка, *imps*, зооморфные черты и т.п.) в текстах раскрывается намного ярче и подробнее прежде всего потому, что образ ведьмы переосмысливается в них в демонологическом ключе, ведь авторы памфлетов, судя по текстам, знали, читали и часто цитировали сочинения известных демологов (Якова I, У. Перкинса, Дж. Гиффорда, Я. Шпренгера и Г. Инститориса, Н. Реми, Ж. Бодена и др.), бытовые истории обрастали разными деталями, привнесенными памфлетистами, а часто и судьями. Под деяния ведьм последовательно подводилась дьявольская основа со всеми вытекающими последствиями. Памфлетисты, в отличие от авторов гравюр, не жалели красок, примером чему могут послужить многочисленные описания отношений между ведьмами и их “домашними духами”, почти не нашедшие отражения в иллюстрациях. Также и восприятие ведьм как отдельной социальной группы, сплоченной служением злу и стоящей вне закона, больше аргументируется текстом. В отли-

чие от континентальной традиции (вспомним, например, гравюры Дюрера (“Четыре ведьмы”, 1497 г.; “Ведьма верхом на козле”, 1500 г. (ил. 6) и Ганса Бальдунга Грина (“Ведьма и дракон”, 1515 г. (ил. 5); “Труппа ведьм”, 1514 г.), среди английских памфлетных гравюр нет ни одного изображения шабаша или хотя бы “сходки” ведьм, тогда как некоторые смелые памфлетисты вслед за не менее ретивыми судьями подробно и охотно описывали подобные сюжеты. Кроме того, в тексте памфлета ведьма переосмысливалась и в правовом ключе, что также не нашло отражения в ранних гравюрах. Назидательный и идеологический характер памфлета более или менее отчетливо стал передаваться в изображениях не раньше середины XVII в. Но даже тогда ведьмы, болтающиеся на виселице или стоящие перед судом, – большая редкость в памфлетных иллюстрациях.

Таким образом, текстовый образ ведьмы намного сложнее и глубже в смысловом отношении, нежели визуальный. Казалось бы, это различие логически обосновано и изобилующий подробностями текст представляется всегда сложнее и многослойнее иллюстрации. Однако континентальные изображения, такие как упомянутые выше гравюры, без труда опровергают такое предположение. В этом отношении граничащая со схематичностью простота и, можно сказать, некоторая скудость фантазии явно отличают английскую иконографию ведовства от континентальной. Следует также отметить, что жанр памфлета эволюционировал на протяжении почти двухсот лет своего существования. Это связано как с совершенствованием судебной практики и антиведовской пропаганды, так и с непрерывным углублением теорий демонологов. Но очевидно, что текстовый и иллюстративный элементы памфлета развивались с разной интенсивностью. Составлявшие содержание памфлетов топоры о ведьмах, характерные нарративы, стереотипные мотивы, а также идеологические вкрапления (проповедуемые и заказанные властью), которые транслировались в текстах, сформировались и обрели устойчивую форму гораздо раньше, чем визуальные коды, которые передавали эти идеи в памфлетных иллюстрациях. Только в поздних памфлетах иллюстрации начинают действительно следовать за текстом, в прямом смысле иллюстрировать его. Максимально близко они подходят к тексту уже на закате “охоты на ведьм”, примером чему может послужить упоминавшаяся выше гравюра из памфлета под названием “Полное опровержение ведовства” (ил. 10)¹⁰², воплощающая самое что ни на есть стереотипное представление о ведьме

из демонологических трактатов. Но это, заметим, происходит уже в 1712 г., когда процессы против ведьм в Англии можно было пересчитать по пальцам, а в 1736 г. они вообще были запрещены актом Георга II.

- ¹ Среди работ, посвященных английским памфлетам о судах над ведьмами, см.: *Gibson M. Reading witchcraft. L.; N. Y., 1999; Rosen B. Witchcraft in England: 1558–1618. Massachusetts University Press, 1991; Игина Ю.Ф. Водовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. СПб., 2008. С. 144–182.*
- ² Все пять правовых документов, в которых зафиксировано отношение власти к водовству, имеют характер либо биллей – законов, внесенных в парламент королем, но не одобренных парламентом, либо актов – законов, принятых только парламентом. Примечательно, что статутов, т.е. законов, принятых парламентом и подписанных королем, а значит, обладающих высшей юридической силой, среди них нет.
- ³ Первая попытка правовой регламентации водовства была сделана еще при Генрихе VIII с изданием антиведовского билля XXXIII Hen. VIII (1542 г.), который, однако, практически никакой реакции со стороны власти и общества не вызвал. Билль просуществовал всего 5 лет и был отменен в рамках новой законодательной программы Эдуарда VI биллем I Ed. VI (1547 г.). Но даже тогда массовых преследований ведьм не последовало, суды над ними начались только в елизаветинское время после издания антиведовского акта IV Eliz. I (1562 г.). Его положения были закреплены и развиты в акте II Jam. I (1604 г.), просуществовавшем дольше всего и отмененным только актом LIII Geor. II (1736 г.). Подробнее см.: *Игина Ю.Ф. Op. cit. С. 66–88.*
- ⁴ Первый известный процесс против ведьм в Англии последовал сразу после издания елизаветинского акта 1562 г. Памфлет об этом процессе либо не был создан, либо не сохранился. Первые же дошедшие до нас памфлеты датируются 1566 г., т.е. тремя годами позже акта IV Eliz. I (1562 г.). Водовство еще не было тогда теоретически осмыслено английскими демонологами, поэтому памфлеты о судах над ведьмами стали одними из первых источников, наряду с документами актового характера (биллями, актами и судебными записями), в которых отразились события английской “охоты на ведьм”.
- ⁵ *Zica Ch. The Appearance of Witchcraft. Print and Visual Culture in sixteenth-century Europe. L.; N.Y., 2009. P. 8.*
- ⁶ *Schade S. Schadenzauber und die Magie des Körpers. Hexenbilder der frühen Neuzeit. Worms, 1983.*
- ⁷ Подробную библиографию по иконографии водовства см.: *Zica Ch. The Appearance of Witchcraft... P. 274–289.*
- ⁸ Вопрос о печатных иллюстрациях к английским памфлетам был затронут в: *Gibson M. Early modern witches. Witchcraft cases in Contemporary Writing. L.; N.Y., 2005.*
- ⁹ *Zica Ch. The Appearance of Witchcraft... P. 5.*
- ¹⁰ *Philip J. The Examination and Confession of Certain Witches at Chelmsford in the County of Essex. L., 1566.*
- ¹¹ Среди них многократно упоминаемый в данной работе памфлет: *Anon. A full Confutation of Witchcraft. L., 1712.*
- ¹² *Apps L., Gow A. Male witches in early modern Europe. N. Y., 2003. P. 45.*

- ¹³ Мужчины выступают в качестве обвиняемых в ведовстве в следующих памфлетах: *Awdeley J.* The Examination of John Walsh, before Master Thomas Williams, commissary to the Reverend Father in God, Willim, Bishop of Exeter, upon certain interrogatories touching witchcraft and sorcery, in the presence of divers gentlemen and others, the 20th August 1566. L., 1566; *Anon.* A Briefe Description of the Notorious Life of John Lambe, otherwise called Doctor Lambe. L., 1653; *P.M. (Martin Parker).* The Tragedy of Doctor Lambe. L., 1628; *Anon.* The Devilish Delusions or faithful relation of John Palmer and Elizabeth Knot, two notorious witches lately condemned at the sessions of Oyer and Terminer in St. Albans, 1649. L., 1649.
- ¹⁴ См. изображения в следующих памфлетах: *Awdeley J.* The Examination of John Walsh...; *Idem.* A Briefe Description of the Notorious Life of John Lambe...; *Anon.* The Devilish Delusions or faithful relation of John Palmer and Elizabeth Knot....
- ¹⁵ *Scot R.* The Discoverie of Witchcraft. L., 1584. P. 279.
- ¹⁶ *Perkins W.* A Discourse of the Damned art of Witchcraft. Cambridge, 1618. P. 636
- ¹⁷ *Bernard R.* A Guide to Grand-Jury Men. L., 1629. P. 87. См. также: *Gaule J.* Select Cases of Conscience touching Witches and Witchcrafts. L., 1646. P. 52; *Roberts A.* A Treatise of Witchcraft. L., 1616. P. 4–5; *Stearne J.* A Confirmation and Discovery of Witchcraft. L., 1648. P. 12.
- ¹⁸ *Capp B.* When Gossip Meet: Women, Family, and Neighborhood in Early Modern England. Oxford, 2003. P. 365–366; *Davies O.* Cunning-Folk. Popular Magic in English History. L.; N. Y., 2003.
- ¹⁹ *Purkiss D.* Women's Stories of Witchcraft in Early Modern England: The House, the Body, the Child // New perspectives on witchcraft, magic and demonology. L.; N. Y., 2001. Vol. 4. P. 284.
- ²⁰ *Anon.* The most strange and admirable discoverie of the Three Witches of Warboys, arraigned, convicted and executed at the last assizes at Huntingdon, for the bewitching of the five daughters of Robert Throckmorton Esquire, and divers other persons, with sundrie Divellish and grievous torments. L., 1593.
- ²¹ *Bernard R.* Op. cit. P. 152.
- ²² *Ibid.* Op. cit. P. 103, 153.
- ²³ *Phillip J.* Op. cit.; *Galis R.* A Rehearsal both stroung and true... Elizabeth Stile. L., 1579; *Anon.* The most strange and admirable discovery of three Witches of Warboys. L., 1593; *Idem.* Wonderful discovery of witchcraft of Margaret and Phillip Flower. L., 1619; *Idem.* A Witch of Edmonton. L., 1618; *H. F.* A True and Exact Relation of the several Informations, Examinations and Confessions of the late Witches. L., 1645; *Anon.* A full Confutation of Witchcraft....
- ²⁴ *Anon.* A Detection of Damnable Driftes, Practized by Three Witches arraigned at Chelmsford. L., 1579.
- ²⁵ Среди них: *Bartel P. C.* Spell-casters: witches and witchcraft in history, folklore and popular culture. Dallas, 2000; *Murray M.* God and Witchcraft. L., 1933.; *Runeberg A.* Witches, demons and fertility magic: Ananysis of their Significance and Mutual Relations in West-European Folk Religion. Helsingfors, 1947. Этой же точки зрения придерживается А.Е. Махов: *Махов А.Е.* Сад демонов – Hortus Daemonum // Словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. М., 2007. С. 170.
- ²⁶ Так, русский этнограф А.С. Сидоров описал магические представления народа коми о духах-шевах, принимающих облики животных и насекомых, и с помощью которых колдуны и ведьмы насылают на людей болезнь известную как

- “кликушество”. См.: *Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у народа Коми. Материалы по психологии колдовства. СПб., 1997. С. 106–139.
- ²⁷ Допрос и признание известных ведьм в Челмсфорде в графстве Эссекс перед судьями ее королевского величества в 26 день июля 1566 // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.): Пер. с англ., лат., нем., франц. / Общая ред. М.А. Тимофеева. М., 1995. С. 41–42.
- ²⁸ Подробное освещение проблема народного восприятия болезней получила в отечественной литературе в работе Ю.Е. Арнаутовой. См.: *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. СПб., 2005.
- ²⁹ В памфлете 1566 г. нападения “домашних духов” на людей описываются именно таким образом: “И после того как сей Эндрю оскорбил ее, он не женился на ней, вот почему она попросила Сатану уничтожить все его добро, что он тотчас же и сделал; однако она, будучи неудовлетворена этим, попросила его притронуться к телу Эндрю, что было сразу же исполнено, после чего сей мужчина скончался”. И далее: “...она [ведьма. – Ю.И.] ...попросила его [духа в образе кота по имени Сатана. – Ю.И.] напустить хромоту на Фрэнсиса, ее мужа, и он исполнил требуемое. Однажды утром он пробрался в башмак Фрэнсиса, улеся там, словно жаба, и когда он попытался надеть свой башмак, то кот коснулся его ноги. Фрэнсис сильно удивился и спросил, что это было, однако она запретила мужу убивать его, и тут Фрэнсиса одолела такая хромота, от которой его уже никогда не смогли излечить”. И еще: “Также, поссорившись еще с кем-то из своих соседей и его женой, она попросила Сатану погубить их посредством кровавого поноса, отчего тот мужчина и вправду умер...”. Допрос и признание известных ведьм в Челмсфорде... С. 41–42.
- ³⁰ Уже в памфлете 1579 г. встречается следующее описание: «...вышеупомянутая Елизавета Фрэнсис призналась, что в прошедший Великий пост (как она теперь припоминает), она пришла к некой жене поляка, ее соседке и попросила у нее немного старых дрожжей, но та отказала ей. Она отправилась тогда к другой хозяйке, в дом соседней Осборнов, проживающих там, у которой были дрожжи. И по пути к вышеупомянутой хозяйке дома Осборнов она прокляла жену поляка, и ужасное горе обрушилось на ту, за то, что она не дала ей дрожжей. Сразу после чего она внезапно услышала сильный шум и тотчас же предстал перед нею дух белого цвета в образе грубого пса, остановившегося около нее на земле, который спросил ее: “Куда она идет?”. Она ответила, что “за тем, что ей нужно”. И она сказала ему, что не может получить дрожжей от жены поляка и поэтому хочет, чтобы этот самый Дух пошел к ней и замучил ее, что дух и обещал сделать, но сначала она должна дать ему что-нибудь. Тогда она, имея в руке корку белого хлеба, откусила от нее кусок и бросила его на землю. [Этот кусок. – Ю.И.], как она думает, он взял и ушел своей дорогой, но перед тем, как он оставил ее, она пожелала опять, чтобы он измучил жену поляка головной болью. И с тех пор она никогда больше не видела его, но она слышала от своих соседей, что у той самой жены поляка мучительно болела голова немного времени спустя после этого, и жестоко болит до сих пор”. *Anon.* A Detection of Damnable Driftes... P. 4–5.
- ³¹ Допрос и признание известных ведьм в Челмсфорде... С. 47.
- ³² *Anon.* The Examination, Confession, Trial and Execution of Joann Williford, Joan Cariden, Jane Hott. L., 1645. P. 5.
- ³³ См.: *Махов А.Е.* Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии: Опыт словаря. М., 2006. С. 192, 274.

- ³⁴ *Anon.* The Wonderful Discoverie of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower... P. 34.
- ³⁵ *Bernard R.* Op. cit. P. 103.
- ³⁶ *H. F.* Op. cit. P. 143.
- ³⁷ *Ibid.* P. 142.
- ³⁸ *Anon.* A True Relation of the Araignment of Thirty Witches at Chelmsford in Essex, before Judge Coniers, fourteen whereof were hanged on Friday last, July 25, 1645. L., 1645. P. 4.
- ³⁹ *H. F.* Op. cit. P. 172–173.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 149–150.
- ⁴¹ В одном из памфлетов приводится следующая история: «Наутро он пришел к ней и сказал, что сделал, как она просила, а именно, ущипнул Сару, так что скоро она сама увидит его работу. Тогда она ответила: “Ах, ты, разбойник, ты что наделал, я ведь велела тебе пощипать немного, а ты убил ребенка”. Но стоило ей произнести эти слова, как хорек исчез из виду и больше не появлялся». Задержание и признание трех известных ведьм, которых казнили по приговору суда в Челмсфорде, графство Эссекс, пятого дня прошедшего июля месяца 1589 г. С описанием их дьявольских деяний и помощников, истинный облик которых изображается здесь // Бич и молот: Охота на ведьм в XVI–XVII в. / Пер. с англ. Н. Масловой; под ред. Н. Горелова. СПб., 2005. С. 227.
- ⁴² Сатана (Sathan) (Допрос и признание известных ведьм в Челмсфорде... С. 41.), Большой Дик (Great Dicke), Маленький Дик (Little Dicke), Уиллет (Willet), Том (Tom) (*Anon.* A Detection of Damnable Driftes... P. 9,16.), Тиффин (Tyffin), Титти (Tittey), Пиджин (Pigine), Джек (Jacke), Сакин (Suckin), Лайерд (Lyerd), Робин (Robin) (*W. W.* A True and Just Recordes of the Information, Examination and Confession of All the Witches, Taken at S. Osos... P. 2A3v, 2A7v, B3, C3v.), Джил, Николас, Нед, Бидд (Задержание и признание трех известных ведьм... С. 222, 226.), Притти или Прелестное существо (Pretty), Пусс (Puss), Хифф-Хифф (Hiff-Hiff), Руттеркин (Rutterkin), Литтл Робин (Little Robin), Дух (Spirit) (*Anon.* The Wonderful Discoverie of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower... P. 33, 37, 40, 44.), Ярмара (Jarmara), Уксусный Том (Vinegar Tom), Мешок и Сахар (Sack and Sugar), Новости (Newes), Холт или Лесок (Holt), Элиманзар (Elimanzar), Вайноу (Wynowe), Джесо (Jeso), Пану (Panu), Том-бой (Tom-boy), Иисус (Jesus), Джоки (Jockey), Сэнди (Sandy), Добродетель Елизаветы (Mrit. Elizabeth), Колин (Collyn), Раг (Rug), Бесс (Bess), Сьюзен (Susan), Маргарет (Margaret), Ами (Amie), Прикер или Колючка (Pricker), Фрог или Лягушка (Frog), Джеймс (James), Спарроу или Воробей (Sparrow) (*H. F.* Op. cit. P. 143–144, 145, 150–151, 158, 160, 166, 167–172.), Банни (Bunne) (*Anon.* The Examination, Confession, Trial and Execution... P. 1.).
- ⁴³ *H. F.* Op. cit. P. 146.
- ⁴⁴ “серое существо... сказала, что не причинит ей никакого вреда, а будет помогать ей вместо мужа, поддерживать ее”. *Ibid.* P. 146.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 144.
- ⁴⁶ Задержание и признание трех известных ведьм... С. 222.
- ⁴⁷ О символике крови см.: *Кожурин А.Я.* Ритм “крови”: Три мифологемы “крови” в европейской культурной традиции // Социальная аналитика ритма: Сб. материалов конференции. СПб., 2001. С. 73–76.
- ⁴⁸ *Anon.* A True Relation of the Araignment of Thirty Witches at Chelmsford... P. 1.
- ⁴⁹ *Ibid.* P. 164. Тот же термин (bigges) употребляется и в показаниях других свидетелей на этом процессе. См.: *Ibid.* P. 161–163. Отразившееся в памфлетах о

серии аналогичных судов практически дословное совпадение показаний объясняется участием в них “генерал-охотника” за ведьмами Мэтью Хопкинса, известного мошенника того времени, который поставил обличение ведьм на коммерческую основу. В течение 1645–1647 гг. ему удавалось убеждать местные власти и судей в своей компетентности и получать вознаграждение за обнаружение ведьм. Хопкинс применял пытки, подтасовывал факты, умело манипулировал свидетелями, вступал в сговор с обвинителями, и потому сведения, полученные им от разных людей, так схожи: он сам внушал, а зачастую и диктовал их. Впоследствии деятельность Хопкинса вызвала волну протеста в обществе, и суд ассиз наложил запрет на его участие в качестве эксперта в судебных процессах. Пытаясь оправдаться в глазах общества, он написал труд, в котором объяснял свои способы уличения в ведовстве. См.: *Hopkins M. The Discovery of witches, in answer to several queries, lately delivered to the judges of Assize for county of Norfolk. L., 1647.* О нем см.: *Maxwell-Stuart P.G. Witch-hunters: Professional Prickers, Unwitchers and Witchfinders of the Renaissance. L., 2003.*

⁵⁰ *Anon. The Examination, Confession, Trial and Execution... P. 4.*

⁵¹ *H. F. Op. cit. P. 164.*

⁵² *Zica Ch. Exorcising our Demons: Magic, Witchcraft and Visual Culture in Early Modern Europe. Boston, 2003. P. 274.*

⁵³ В основе этой идеи лежит дохристианское представление о ночном агрессоре – “маре” (староанглийское *maege*, германское *mag/mage*, старонорвежское *mara*, староирландское *mar/mor*), садящемся на грудь и вызывающем удушье и обездвиживание. Как отмечает А.Е. Махов, вплоть до XII в. представление о демоне-соблазнителе существовало в форме народных сказаний, к которым богословие относилось скептически. Но с XII в. демонологи стали проявлять к нему чрезвычайный интерес, который исследователи связывают с крестовыми походами, поскольку на Востоке легенды такого рода пользовались популярностью. Одним из первых теорию сексуальной стороны инкубата разработал парижский епископ Гильом Овернский (ок. 1180–1249 гг.), утверждавший, что демоны сами не способны на полноценные сексуальные сношения, но умеют создавать некую иллюзию таковых. К XVI в. учение демонологов об инкубате обогатилось огромным количеством деталей. Среди них было и предположение о том, что половые сношения с демонами причиняют человеку страдания. См.: *Махов А.Е. Hostis Antiquus... С. 208–209.* Это представление отразилось и в текстах памфлетов. В одном из них обвиняемая признается, что “...около восьми или девяти недель назад, когда она лежала больная у камелька в своем собственном доме, что-то пришло на ее тело и присосалось к ее интимным местам, причиняло боль и мучило ее”. *H. F. Op. cit. P. 170.*

⁵⁴ На одном из Челмсфордских процессов 1645 г. обвиняемая призналась, что «имела плотскую связь с Дьяволом в течение 6–7 лет. И то, что он является к ней три или четыре раза в неделю, ложится к ней в постель, остается с ней полночи в облике красивого джентльмена, с пропорциями обычного человека, в кружевном наряде, и говорит ей: “Бесси, я должен соединиться с тобой”. И она никогда не отказывала ему». *H. F. Op. cit. P. 141.* Обвиняемая на другом процессе рассказывала похожую историю: “Через некоторое время, когда она улеглась в постель, дьявол появился перед ней опять, на этот раз в образе красивого молодого мужчины, который сказал, что пришел соединиться с ней”. *Anon. A True Relation of the Araignment of Thirty Witches at Chelmsford... P. 2.*

⁵⁵ *Scot R. Op. cit. P. 7.*

- ⁵⁶ *Bragge F.* The Case of the Hertfordshire Witchcraft consider'd. L., 1712. P. 8.
- ⁵⁷ *Scot R.* Op. cit. P. 38–39.
- ⁵⁸ *Anon.* A Witch of Edmonton...; *Idem.* Wonderful discovery of witchcraft of Margaret and Phillip Flower...; *Idem.* The Wonderfull Discoverie of Elizabeth Sawyer, a Witch, late of Edmonton. L., 1622; *Idem.* A Most Certain, Strange, and true Discovery of a Witch. L., 1643; *Idem.* A full Confutation of Witchcraft...
- ⁵⁹ *Anon.* The Wonderful Discoverie of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower... P. 16.
- ⁶⁰ *Bernard R.* Op. cit. P. 151–152.
- ⁶¹ *Anon.* A certain Relation of the Hog-faced Gentlewoman called Mistris Tannakin Skinker. L., 1640.
- ⁶² В английских источниках часто встречаются рассказы о превращениях ведьм в животных. См. о превращении ведьмы в коша (О самом злобном деянии некоей негодной ведьмы, о подобном которому никто не слышал в Англии уже много лет // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.) / Пер. с англ., лат., нем., франц. / Общая ред. М.А. Тимофеева. М., 1995. С. 55.; в крысу, жабу, пса (*Anon.* A Detection of Damnable Driftes... P. 8, 9.); о ведьме в образе змеи (*H. F.* Op. cit. P. 166.), ведьме в образе гончей, лошади (см. допрос Эдмунда Робинсона, “пендлского мальчика”, приведенный в: *Webster J.* The Displaying of Supposed Witchcraft. L., 1677. P. 347–349.).
- ⁶³ См.: *Махов А.Е.* Hostis Antiquus... С. 169, 229.
- ⁶⁴ В одном из памфлетов мы встречаем следующее описание запаха ведьмы: “... поскольку напиток был сладостно приятен, он продолжал пить его, не подозревая того, что она уже коснулась его своими губами. И что при этом ее дыхание, такое сильное, что даже все воды, что бегут в реке, были бы не способны смыть его, завладело всем сосудом”. *Anon.* How a witch Served a Fellow in an Alehouse // *The Witchcraft Papers: Contemporary Records of the Witchcraft Hysteria in Essex. 1560–1700.* L., 1974. P. 128. См. также: “...она или ее дух в ее образе являлись перед ним и махали перед его лицом (в то время как он лежал в кровати) мокрой одеждой омерзительного вида и запаха”. *The Case of Mary Smith, for Witchcraft: 13 James I. A.D. 1616* // *Cobbet's Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors from the Earliest Period to the Present Time.* L., 1809. Vol. 2. P. 1057.
- ⁶⁵ *Anon.* A Detection of Damnable Driftes... P. 6–7.
- ⁶⁶ *Carmichael J.* Newes from Scotland. Declaring the damnable life of Doctor Fian, a notable sorcerer, who was burned at Edenbrough in January last 1591. Edenbrough, 1592; *Anon.* Wonderful discovery of witchcraft of Margaret and Phillip Flower...; *H.F.* Op. cit.; *Anon.* A full Confutation of Witchcraft...
- ⁶⁷ *H.F.* Op. cit. P. 143.
- ⁶⁸ *Anon.* A True Relation of the Araignment of Thirty Witches at Chelmsford... P. 1–2.
- ⁶⁹ *Anon.* The Examination, Confession, Trial and Execution... P. 3.
- ⁷⁰ *Conjuratio* (geschworene Einung) понимается как объединение людей, давших друг другу клятву, созданное с целью взаимной защиты и помощи, религиозной и общественной деятельности, а также профессионального и экономического содействия его членам. Подробнее см: *Эккле О.Г.* Средневековые гильдии: их самосознание и вклад в формирование социальных структур / Он же. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 96–125; *Он же.* Гильдия и коммуна: о возникновении “объединения”

и “общины” как основных форм совместной жизни в Европе / Там же. С. 126–156.

⁷¹ *Crouch N. The Kingdom of Darkness. L., 1688.*

⁷² *Anon. A full Confutation of Witchcraft...*

⁷³ В средневековой иконографии дьявола обезьяна – одно из главных дьявольских обликов, имеющее глубокий богословский смысл. Дьявол, согласно Петру Ломбардскому, восстал именно потому, что “хотел уподобиться Богу не путем подражания, но приобрета такую же силу” – однако в результате своего падения он был обречен как раз на вечное подражание, на роль обезьяны Бога”. *Maxov A.E. Hostis Antiquus... С. 270.*

⁷⁴ *Carmichael J. Op. cit.*

⁷⁵ См. пример из примеч. № 43.

⁷⁶ *Anon. The Wonderful Discoverie of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower...*

⁷⁷ Среди примеров: случай Эллен Кларк и Анны Лич (дочь и мать), случай Ребекки Вест и Анны Вест (дочь и мать) (*H. F. Op. cit. P. 149–150*); историю с Маргаритой, Филлипой и Джоаной Флауэр (мать и дочери) (*Anon. The Wonderful Discoverie of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower...*); случай Джоаны и Маргарет Канны (мать и дочь) (Задержание и признания трех известных ведьм, которых казнили по приговору суда в Челмсфорде, графство Эссекс, пятого дня прошедшего июля месяца 1589 г. С описанием их дьявольских деяний и помощников, истинный облик которых изображается здесь // Бич и молот: Охота на ведьм в XVI–XVII веках. С. 223.); случай Елизаветы Френсис и матушки Уотерхауз (сестры), Алисы Чанделер и Эллен Смит (мать и дочь) (*Anon. A Detection of Damnable Driftes... P. 6–7.*). Подозрения в ведовстве также возникали на основании дружеских связей с обвиняемыми ведьмами: случай с подругами Елизаветой Кларк, Анной Вест, Анной Лич и Елизаветой Гудинг (*H.F. Op. cit. P. 145–147*);

⁷⁸ Допрос и признание известных ведьм в Челмсфорде... С. 41.

⁷⁹ *H.F. Op. cit. P. 169.* См. также признание Елизаветы Кларк: “...у нее три духа коричневого цвета от ее матери, и два от старой ведьмы Вест”. *Ibid. P. 144.*

⁸⁰ *Perkins W. Op. cit. P. 643.*

⁸¹ Об этом подробнее см.: *Арнаутова Ю. Указ. соч. С. 49–57.*

⁸² Задержание и признания трех известных ведьм... С. 222; *W.W. A True and Just Records of the Information, Examination and Confession of All the Witches, Taken at S. Oses. L., 1582. P. 2A4v.*

⁸³ *Anon. The Wonderful Discoverie of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower... P. 5.*

⁸⁴ *Perkins W. Op. cit. P. 636.*

⁸⁵ Среди примеров: “...она призналась чистосердечно, что была ведьмой на протяжении пятнадцати лет...” [Допрос и признание известных ведьм в Челмсфорде... С. 48.]; “...допрашиваемая сказала, что около девятнадцати лет назад дьявол явился перед ней в образе мыши... она назвала дьявола своим личным духом” [*Anon. The Examination, Confession, Trial and Execution... P. 5.*]; “Вышеупомянутая матушка Лейкенд была... в действительности ведьмой (как она призналась) на протяжении почти двенадцати лет”. [*Anon. The Laws against Witches, and Conjuration and some brief Notes and Observations for the Discovery of Witches. L., 1645. P. 7.*]; “Этот осведомитель говорит, что Ребекка Вест призналась ему в том, что около семи лет назад она вступила в

- близкие отношения с дьяволом по наущению своей матери Анны Вест...” [H. F. Op. cit. P. 150.].
- ⁸⁶ Некоторые авторы, размышляя о специализации ведьм, проводили аналогии с библейскими персонажами: “...так пифии имеют дело с искусными заклинаниями; маги издревле считались таковыми за исключительную мудрость и знание секретов лекарственных трав и растений; халдеи знамениты в области астрономии и астрологии; некроманты – практикой воскрешения мертвцов и предсказаний с их помощью событий на земле; геоманты – общением с духами и использованием чар. Генетлиации [знамениты. – Ю.И.] тем, что осмеливаются на вычисление дат рождений, или, если хотите, предполагают срок [жизни. – Ю.И.] по бросанию фигур. Чрево вещатели разговаривают глухими голосами, как если бы они были одержимы дьяволами. Отравители имеют дело с ядом и убивают и излечивают с его помощью... в действительности все они (за исключением одного) близки к английскому термину “ведьмы”. Anon. *The Wonderful Discoverie of the Witchcrafts of Margaret and Phillip Flower*... P. 4–5. Ср. также рассуждения другого автора: Anon. *The Laws against Witches*... P. 6–7.
- ⁸⁷ Ibid.
- ⁸⁸ Anon. *The Witch of Wapping, or An Exact and Perfect Relation, of the Life and Devilish Practices of Joan Peterson*. L., 1652. P. 3.
- ⁸⁹ Свидетельство о существовании этих терминов встречается у У. Перкинса: “...дурных ведьм обычно называют “связывающая ведьма” (binding Witch)..., а добрых – “развязывающая ведьма” (unbinding Witch)”. Perkins W. Op. cit. P. 638.
- ⁹⁰ Bernard R. Op. cit. P. 151–152.
- ⁹¹ W.W. Op. cit. Title.
- ⁹² “Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую”. (Мф. 25:31–33)
- ⁹³ Допрос и признание известных ведьм в Челмсфорде... С. 40.
- ⁹⁴ Отрывок процитирован по опубликованному русскому переводу Н. Масловой. См. примеч. № 41. В оригинальном тексте употреблено слово almighty.
- ⁹⁵ Задержание и признание трех известных ведьм... С. 220.
- ⁹⁶ Именно эта казнь применялась в Англии по отношению к ведьмам.
- ⁹⁷ H. F. Op. cit.; Carmichael J. Op. cit.
- ⁹⁸ “Плавание” Марии Саттон: Anon. *Witches Apprehended, Examined and Executed, for notable villainies by them committed both by Land and Water*. L., 1613.
- ⁹⁹ Anon. *A Briefe Description of the Notorious Life of John Lambe*...
- ¹⁰⁰ *The bill against Conjuraton and Witchcrafts and Sorcery and Enchantments* // Robbins R.H. *The Encyclopedia of Witchcraft and Demonology*. N.Y., 1959. P. 243–244. Русский перевод текста билля см.: Роббинс Р.Х. *Энциклопедия колдовства и демонологии* / Пер. с англ. Т.М. Колядич, Ф.С. Капица. М., 1996. С. 105–106.
- ¹⁰¹ Арнаутова Ю. Op. cit. С. 54.
- ¹⁰² См. примеч. 11.